

ВЛАДИМИР МАРКОВ-БАБКИН
ВИТАЛИЙ СЕРГЕЕВ

ПЕТР ТРЕТИЙ
РЫВОК В БУДУЩЕЕ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М26

Серия «Военная боевая фантастика»

Выпуск 93

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

**Марков-Бабкин, Владимир
Сергеев, Виталий**

М26 Петр Третий. Рывок в будущее. Петр Третий.
Огнем и мечом: роман / Владимир Марков-Бабкин,
Виталий Сергеев. — Москва: Издательство АСТ;
Издательский дом «Ленинград», 2026. — 480 с. —
(Военная боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-191018-1

Позади русско-шведская война, в которой бывший профессор-теплотехник, а ныне Петр III отличился при штурме Гельсингфорса. Он в хороших отношениях с императрицей Елизаветой Петровной. Он — наследник русского престола. Впереди у наследника научные и технические прорывы, паровые двигатели, воздушные шары, паровозы, пароходы, фабрики, заводы, флот, новая армия, новые земли, битвы за будущее и бесконечные войны...

Но есть еще мальчик — Иоанн Антонович. Император России, соправитель Елизаветы Петровны. И его младшая сестра Катя — цесаревна от старшей ветви Романовых. И есть Лина — невеста Петра III, нареченная Екатериной Алексеевной. Кто теперь станет Великим?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-191018-1

© Владимир Марков-Бабкин, 2026
© Виталий Сергеев, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ПЕТР ТРЕТИЙ
РЫВОК В БУДУЩЕЕ

ПРОЛОГ

*Fac quod debes, fiat quod fiet!*¹

**МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ. НОВО-
ПРЕОБРАЖЕНСКОЕ. 10 февраля 1744 года**

— Петер, долго еще?

Мою невесту немного утомила эта поездка. И эта, и вообще дорога. Как и меня, впрочем. С вечера снова повалил снег, и к нашему выезду дороги за городом еще не укатали ломовые телеги. Так что наша квадрига плелась уже то шагом, то рысцой. Местами наш полозок вяз в снегу. Надо было все же ехать на возке, а не на этой карете на полозьях. Но чего уж теперь?

Где мой 2027 год? Где-то там, за поворотом реки времени. Там бы мы добрались в Люберцы за двадцать минут на автомобиле, а тут трясемся в этих санях, хоть и в карете, бог знает сколько уже времени. Целая экспедиция в заснеженное Подмоскowie. Ничего не попишешь — просвещенный XVIII век как-никак. Хорошо, что меня занесло не в век десятый или двенадцатый. Вот там была бы поездочка!

— Принцесса моя, потерпи. Ты уже преодолела путь через половину Европы по земле, плыла ко мне на фрегате через покрытую ледяным крошевом Балтику. Месяц

¹ Делай что должно, и будь что будет! (Лат.)

как с Матушкой нашей из Петербурга в Москву ехали. Замучилась в дороге, — утешаю я свою невесту по-немецки. — Потерпи. Я люблю тебя. Вот остался последний рывок в Ново-Преображенское, и мы дома. Там отдохнешь. Ты просто устала. Сделаем баньку, накроем стол, чай, камин, веселый огонь. Все, как ты любишь.

Лина вздохнула мечтательно. Лишь с напускным возмущением заметила:

— Петер, что ты со мной сюсюкаешь, как с маленькой. И я больше не принцесса Каролина Луиза Гессен-Дармштадтская, хватит меня так называть, а то обижусь, ты получишь по носу и останешься без сладкого. Я — великая княжна Екатерина Алексеевна, пора бы запомнить. А то я тебя тоже начну именовать герцогом!

Прозвучало, как угроза, и я рассмеялся, притянув ее в объятия. Обнимать девицу в длиннополой соболиной шубе, конечно, приятно, но я обошелся бы и без шубы. Ничего, скоро приедем, там уже нашу часть дворца наверняка должны были протопить. И баньку. Но, в целом, она права. Я могу именоваться и герцогом Голштинским, этого титула, с принятием титула государя цесаревича — наследника Всероссийского, меня никто не лишал, а вот она — да, теперь не какая-то там очередная принцесса из Германии, коих там без счета. Она — великая княжна и официально объявленная невеста наследника престола Российской Империи. В России у нее больше нет другого титула.

У нас, кстати, вчера в Успенском соборе Кремля состоялась помолвка. Достаточно скромная, отнюдь не коронация Елизаветы Петровны. Вышли из собора под звон колоколов, прошлись по территории Кремля, кортежем расфуфыренных саней проехали по Москве, дали бал и все такое.

В общем, Лина теперь моя официальная невеста.

Приняла православие под именем Екатерины Алексеевны, но в «семейном кругу» она так и осталась Линой,

и Матушка ее иначе тоже не называет. Это традиция такая — есть официальное имя, а есть домашнее.

Для своих.

Правильная традиция, как по мне.

Невеста. Я так долго добивался этого. Именно ее. Из всех принцесс. Решала Матушка, и Лина не была на первом месте в приоритетах императрицы, коей двигали исключительно державные интересы.

Но я добился того, чтобы конкурентки Лины слетали с дистанции одна за другой, как кегли в боулинге.

Наша зимняя карета примечательна тем, что в ней две пары едут, не глядя друг другу в лицо. Собственно, потому я ее и выбрал для поездки. Впереди мой камер-интендант Густав фон Крамер чем-то смешит приставленную императрицей к Лине фрейлиной Марию Балк-Полеву. Мы не замечаем их, они нас... Приличия соблюдены, нам еще не положено после помолвки надолго уединяться с Линой.

Благоглупости, но тут ничего не поделать.

Ее губы имели вкус малины. Откуда зимой в Москве малина? Известно откуда — из варенья. На меду. Да и сам мед. Огурцы соленные и грибочки, маринованные из бочки (извините за рифму, невольно вырвалось). А горячий чай у нас в дороге — из термоса. Целая полка с держателями для термосов с разными вкусами чая и травяных настоев в нашей карете. И стоит эта походная полка с термошторами и термокружками, как хороший крупный бриллиант. Мало у кого термосы есть сейчас, хотя купили бы многие... Так, ладно, что-то я отвлекся. Видимо проголодался. Приедем во владения — покормлю Лину и сам перекушу.

Так вот, пахнущие малиной губы моей невесты...

— Тпру-у-у!

Я выглянул в окно.

— Кажется... да, приехали.

Лина, глядя в зеркальце, быстро поправляла своей внешний вид. Негоже великой княжне и невесте выглядеть как чушка с дороги.

Получив знак от девушки, я постучал пальцем в окошко. Дверь кареты тут же распахнулась, кучер облил кипятком из ведра выдвинутые ступеньки и, удостоверившись, что наледь с металла смыло, снял шапку и поклонился.

— Приехали, барин.

Киваю. Выхожу сам и подаю своей прин... Княжне руку.

— Добро пожаловать домой, любовь моя.

Стараясь не запутаться в полах шубы, Лина сошла на грешную землю. Осмотрелась. А что тут смотреть? Старый дворец Алексашки Меншикова. Теперь моя собственность. Флигели всякие, ступеньки, статуи, покрытый льдом пруд. Парк. Неработающие зимой фонтаны. Аллеи и заснеженные газоны между деревьями. За дворцом сад. В отдалении всякие хозпостройки. Еще дальше — деревня Ново-Преображенское. Деревянные дома и храм Преображения Господня на холме. И лес вокруг. Чуть южнее еще и болото, как без него. Довольно живописно. Прежний хозяин знал толк в приятностях и эстетике.

Киваю конвою.

— Приехали, господа! Благодарю за службу!

Кирасиры спешили, им тут же пригожие дворовые девки поднесли по чарке с дороги, а к нам уже спешила целая делегация — мой управляющий Арцеулов и другие сопровождающие лица. В основном из дворни. Ивана Лаврентьевича Блюментроста я отпустил. Точнее поставил на мои медицинские проекты. Они куда ближе сельских дел престарелому архиятору.

Лине девки тут же поднесли на рушнике каравай и соль. Как и положено, Княжна отломилла краешек каравая и, мокнув в солянку, изящно отправила маленький кусочек в рот. Благодарно кивнула.

Местные что-то пели и играли, даже медведя привели для экзотики, но меня уже приветствовал мой управляющий.

— С приездом, государь!

Жму руку здоровенному отставному офицеру-артиллеристу.

— Здравствуй, Аристарх Модестович. Рад видеть тебя. Он кивает.

— Здравствуй, Петр Федорович. Взаимно рад. Благополучно ли доехали?

— Да, все хорошо. Устали только за эти дни.

— Понимаю. Банька готова.

— Благодарю, — оборачиваюсь к Лине:

— Дорогая, позволь тебе представить управляющего дворцом и всем нашим тут хозяйством.

Тот перед великой княжной попытался валенками изобразить щелканье каблуками, ничего понятного не вышло, но Лина приветливо улыбнулась.

Офицер четко и выверенно кивнул головой.

— Ваше высочество, разрешите отрекомендоваться. Майор артиллерии Арцеулов Аристарх Модестович. Имел честь быть представленным Петру Федоровичу в перерыве между штурмами крепости Гельсингфорс в сорок втором. Крепость мы тогда с женихом вашим взяли на бебут!

Усмехаюсь. Старый подхалим. Шучу. Он бравый и умный вояка. А бебут — это моя укороченная пехотная полусабля, выручавшая меня не раз. И в ночном лесу от стаи волков, и под стенами Гельсингфорса во время крайней войны со шведами.

Киваю.

— А еще, дорогая, Аристарх Модестович — наш сосед, у него деревня недалеко от Ново-Преображенского, и большой любитель шахмат. Так что рекомендую.

Лина улыбнулась и протянула руку для поцелуя. А она это делает вне высшего света не так часто.

— Рада познакомиться.

Управляющий галантно поцеловал руку великой княжны и будущей хозяйки.

— Это честь для меня, ваше высочество.

Кивок.

— Для вас — просто Екатер'ина Алексеевна.

— Благодарю, Екатерина Алексеевна.

На русском Лина говорила все *исчѣ* слабенько, писала еще хуже, гессенский акцент никуда не делся, она старалась, учила язык и произношение. Здраваться ей приходилось часто, потому, при знакомствах, она говорила по-русски. Но она ничуть не стеснялась говорить на родном немецком в сложных ситуациях.

Я не возражал особо. Со временем научится. Времени у нас вагон.

Времена французского для русской аристократии еще не пришли. А может, и не придут. Пока обойдемся немецким. Высший свет и многие офицеры владели им, в той или иной степени. Вплоть до... как шутили в моем будущем: «Говорить не могу, читаю со словарем». Да и много сейчас тут немцев со шведами.

А потом и Лину в части русского языка подтянем, и остальных в чувство приведем.

Мне торопиться некуда. Впереди лет двадцать. Матушка со своим обмороком в дороге, напугала, конечно, но, слава богу, вроде обошлось. Непраздна Матушка. А тут еще поставленной мною печью ее возок перетопили. Довезли до Всехсвятского, отдохнула государыня немного и въехала в Москву под Рождество. Даже царские часы и божественную литургию отстояла. А то, честно сказать, я уже испугался, что она решила досрочно богу представиться и корону свою на меня сбросить. Нет-нет, Матушка. Живи долго и счастливо. У меня и так дел хватает, и без интриг двора, и без происков иных держав.

Так что, Боже, царицу храни!

Тем более что угроза заговора и переворота никуда не делась. Сидим, как на пороховой бочке. Матушка тасует туда-сюда чиновников, войска, наших родственников сидельцев и самого малолетнего императора Иоанна, меняет спальни, в которой спит в Зимнем дворце этой ночью. Триста лейб-кампанцев, что те триста спартанцев — последний редут в защите Матушки, ибо знают, что их убьют первыми, вдруг что. Тайная канцелярия работает без усталости,

а дыба у генерала Ушакова готова допрашивать без пере-
рывов на обед. Но уверенности нет никакой. Нет у меня
уверенности, что ночью не прискачет гонец и не сообщит,
что в столице или Первопрестольной случился государ-
ственный переворот и престол возвращен законному им-
ператору Иоанну Третьему, именуемому в моем прежнем
веке Шестым. И тогда мне придется хватать Лину и ска-
кать к верным частям, пытаясь возглавить подавление мя-
тежа против Елизаветы Петровны. Или меня самого, если
я уже вдруг император.

Весело у нас.

Так и живем.

*МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ. НОВО-
ПРЕОБРАЖЕНСКОЕ. ДВОРЦОВЫЙ ПАРК.
10 февраля 1744 года*

Зима в Подмоскovie — это вам не зима в Питере. Даже
в моем столичном Итальянском дворце зимой сыро и холо-
дно, никакие камины не спасают. Протопить весь огромный
дворец невозможно. Да и дорого очень. Потому и обитаема
только часть дворца, остальные залы и помещения, которые
не используются, просто изолируются, в том числе и уте-
пляют, чтоб холод и сырость не шли в жилую часть. У Ма-
тушки в Зимнем еще хуже. Во-первых, Зимний находится
на побережье и с моря все время дует сырой промозглый ве-
тер. Во-вторых, во дворце слишком много помещений, кото-
рые так или иначе периодически используются. А их нужно
топить. Да и вообще, Петербург построен у моря, посреди
рек и болот. Климат отвратный даже летом, про зиму и го-
ворить нечего. Угораздило же деда там строить...

Проблему с паровым отоплением дворцов я не решил
пока. Ветхий дворец Меншикова. Проще новый, по уму,
построить. Но не сейчас. Да и не хочу светить лишний раз
технологии. Разного рода иностранные лица часто бывают
и в Зимнем, и у меня. Зачем показывать прогресс? Я хочу
хотя бы лет пятнадцать форы. И не только в части отопле-

ния дворцов. Пароходы те же. И многое другое. Не зря говорят, что терпение — одна из главных добродетелей.

Потерпим. Христос терпел и нам велел, как говорят в народе.

Мы с Линой гуляем по парку. Дворец она уже обозрела. Прошлась по всем залам и комнатам. С балкона поглядела вдаль, оценив. Моя невеста по-хозяйски осматривает не только достопримечательности, но и хозяйство, которое отнюдь не народное, а вполне частное.

— Петер, а что тут будет?

Она указывает на засыпанное снегом явно незаконченное строительство у стены дворца.

— Думаю сделать зимний сад, так, чтобы с дворцом соединялся. Выпишем растения всякие. Птички поют.

— Петер, но Зимний сад — это очень дорого отапливать. Даже в Европе мало кто может себе это позволить.

Улыбаюсь. Хозяйственная моя.

— Придумаем что-нибудь. Паровые машины должны помочь с центральным отоплением. Там, правда, мороки много еще, сами паровики, насосы, трубопроводы, радиаторы. Надеюсь, за год сделают. И для сада, и для дворца, и для мастерских. Склады с углем и дровами, подвоз организовывать, рабочих. Много и по технической части нужно сделать. Пойдем внутрь мастерской, я тебе покажу котел и насосы.

Мы заходим, и невеста моя с большим любопытством рассматривают металлические чудища.

— Это все работает?

Усмехаюсь.

— Работает. Только недолго и опасно. Надо довести до ума. Поэтому в действии я пока тебе показывать не хочу. Мало ли что. Зачем нам нехорошие приключения.

Кивок.

— Ничего, любимый, я подожду. Я тебя больше ждала.

Мы нежно целуемся среди железных монстров будущего. У нас пока ничего такого-эдакого-личного нет. У Лины пунктик — до свадьбы ни-ни. Такое вот воспита-

ние. А свадьба у нас нескоро. Так что пока просто поцелуйчики и воркования.

Выходим в парк, и моя невеста, окинув взглядом окружающее, видимо посчитала место подходящим.

— С днем рождения, любимый. Это тебе.

Плоская коробочка мейсенского фарфора с золочеными пелями и застежкой. Монограмма «П» и три бриллиантика меж ножек буквы на ее крышке. Ниже скрещенных шпаг клейма фабрики — дата. Сегодняшняя.

Открываю. Внутри на крышке картинка рыцаря, бредущего через снежную бурю. На дне шкатулки — позолоченная цепочка. На ней продолговатый кулон с портретом Лины.

— Спасибо, любовь моя. Счастье мое.

Встретил ли я подругу всей жизни? Надеюсь, что — да. Мы говорим схоже, думаем схоже, нам хорошо вместе. Интересы у нас одинаковые. Что еще нужно человеку для счастья?

Возвышенные цели?

Есть ли у меня вообще итоговая цель? Ну, не знаю, какая. Или какие.

Прибить щит к воротам Царьграда, сделать всех счастливыми, протянуть железную дорогу до Владивостока или построить Царствие Божие на Земле?

Нет. Таких целей у меня нет.

У меня, как у того самурая — нет цели, есть только Путь. Путь в будущее. Я просто делаю, что могу.

Fac quod debes, fiat quod fiet.

Делай, что должно, и будь, что будет.

МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

НОВО-ПРЕОБРАЖЕНСКОЕ. ДВОРЕЦ.

12 марта 1744 года

— Доброе утро, Петер.

Слегка, по-утреннему растрепанная и в домашнем платье Лина вплыла в мой кабинет.

— Доброе, мое солнышко. Чаю хочешь?

Поцелуй.

— Хочу.

Прозвучало томно, но, увы, мне, увы. Только чай. Шалунья. Будет так дразнить до самой свадьбы.

Женщины. Никак без вас.

Улыбаюсь.

— Сейчас заварю.

— Чем занят, любимый?

Уже возьмусь с заваркой волшебного напитка, отвечаю:

— Еду к Матушке сегодня к обеду. Хочу выпросить участок под строительство дворца на холме напротив Боровицких ворот.

Собственно, я имел в виду место, где при моей прошлой жизни стоял дом Пашкова. Его еще нет, но я построю лучше, только длиннее. Почему не выше? Нельзя строить выше башен Кремля ничего, кроме храмов. Храм я тоже построю при дворце, но это отдельный вопрос.

«На закате солнца высоко над городом на каменной террасе одного из самых красивых зданий Москвы... находились двое: Воланд и Азazelло. Они не были видны снизу, с улицы... Но им город был виден почти до самых краев...»¹

Лина с любопытством рассматривала мои чертежи, точнее, эскизы.

— Интересно. А зачем такой большой? Балы давать?

Усмехаюсь.

— Вот поедет твой муж, когда мы с Матушкой в Москве, на прием в Кремль, а зима, снег, дороги в Ново-Преображенское замело, где прикажешь мне ночевать? Настой проситься?

Понятно, что в такой ситуации императрица меня из Кремля просто не выпустила бы и где преклонить голову мне бы нашлось, но не суть. Мне нужна резиденция в центре Первопрестольной. Ново-Преображенское — от-

¹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита.

личное и уютное место для семейного гнездышка, равно как и имение под Петербургом, которое мне обещала отписать Матушка после свадьбы, может быть сколь угодно прекрасным, но оно не в столице и никак не заменит Итальянский дворец. У меня не те запросы и не те масштабы, чтобы сидеть в плетеном кресле в халате, как Манилов, попивать вишневую наливочку и, глядя в закат, мечтать о несбыточном.

Нет. Нет и нет.

Мне нужны базы и опорные пункты в важнейших городах. И для торговли, и для управления промышленностью, для управления наукой и образованием. И да, как центр притяжения для местных элит по всей нашей благословенной и Богоспасаемой империи.

Петербург. Тверь. Москва. Нижний Новгород. Самара. Казань. Екатеринбург. Цепь узлов моего влияния с запада на восток страны.

Понятно, что пока это планы на далекую перспективу, но так и планы у меня далеко идущие.

— И балы тоже, счастье мое. Как без них в наше время. Но, вообще, это мое представительство в Первопрестольной. Буду через него решать дела и в Москве, и в центре России. А еще я планирую открыть при этом дворце бесплатную публичную библиотеку для всех. Самую большую в Первопрестольной. И, надеюсь, Матушка позволит позже построить рядом с этим дворцом Императорский Московский университет.

Невеста смеется.

— Так это когда еще будет. А сейчас, вдруг что, где будешь в Москве ночевать? К Матушке попросишься на постой?

Я некуртуазно почесал нос (свои все).

— Честно сказать, мои представители ведут переговоры с разными владельцами об аренде особняка со всеми удобствами в самом центре. Пока не решил вопрос. Но решаем.